

ЯСИНСКИЙ СЕРГЕЙ

ОБЛАКО

Сергей Леонидович Ясинский

Облако

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69371203

SelfPub; 2023

Аннотация

Мало ли что может привидеться ночью в собственной квартире. Это просто стресс на работе, хронический недосып или лишняя таблетка из аптечки. Правда ведь?

Сергей Ясинский

Облако

Гене Фролову снился сон. Начиналось всё весело и задорно. Старые приятели-сослуживцы по «скоряку», сдав очередную смену, лихо двинули за пивом. Причём лихо настолько, что занесло их аж куда-то в лес. Но бравым парням со «скорой», решившим как следует отметить окончание смены, все нипочём. Даже море ну максимум по колено, так что идут ребята, не сбавляя хода. А тут вдруг возьми и начнись метель. Настоящая снежная буря. Но ребята идут... Правда, не видать их уже Гене сквозь эту холодную колючую завесу. Но ведь были ребята, значит, и есть где-то рядом. Метель закончится, и увидятся они. Вырулит по правую от Генки руку Димыч. Отряхиваясь от попавшего за шиворот снега и поминая всех по матушке, объявится Федяй. Как всегда, широко улыбаясь, подойдет Миха. Соберутся все вместе, как мушкетёры. Только не кончается почему-то эта метель. Генка даже во сне чувствует, как долго тянется время, пока пурга обжигает лицо и душу ледяным кипятком. И каким-то шестым, седьмым или даже десятым, давящим и тоскливым, чувством, он уже знает, что не встретятся больше мушкетёры.

Метель всё же закончилась, и Гена стоит один на опушке леса. Впереди за разлапистыми ветвями ельника он видит

дом. В таком, по законам жанра и русского фольклора, только трём медведям и жить. Медведям-людоедам. Но ведь это же сон, а значит, придётся заходить.

Дверь, конечно же, не заперта. В доме тихо. Настолько, что тишина могла бы получить здесь прописку. Много комнат, гораздо больше, чем могло показаться снаружи. Мебель кажется Гене неестественно большой, и впрямь как для медведей. И ещё в доме он уже не один. Ощущение чужого взгляда ледяными иголками недавней метели неприятно покалывает позвоночник. Фролов чувствует, что за ним пристально следят, однако показываться не спешат, словно ещё не решили, как именно с ним поступить. На какое блюдо в меню лучше подать.

Перед ним ещё одна дверь. Гена не хочет этого, но безвольно протягивает к ней ватную, ставшую чужой руку. Что-то давит и мешает дышать. Дверь беззвучно открывается, будто проваливаясь в бездонную черноту этой комнаты. Какая-то запоздалая мысль трепыхается в сознании, но Гена уже шагает через порог в крошечную, влажную от дыхания обитателей дома тьму...

Просыпается он без крика, зато чувствует, как от пота промок пододеяльник. В комнате тоже темно, только с улицы через окно сочится жиденький лунный свет. На треснувшем экранчике смартфона без двадцати минут три. Никаких срочных сообщений вызовов – Гена уже давно уволился со «скорой» и теперь работает в психиатрическом диспансе-

ре. Фролов ещё некоторое время лежит в постели и как будто прислушивается. Затем со вздохом и смятым сквозь зубы «снится жевская хрень» рывком встаёт. Сонно топает в коридор.

Путь на кухню в маленькой квартире недолог. Рука по привычке почти сразу нащупывает кухонный выключатель, и под потолком желтушно загорается одинокая лампочка. Гена делает пару шагов, берёт с газовой плиты бывший в незапамятные времена белым эмалированный чайник и пьёт воду прямо через носик. Вода давно остыла. Глоток, второй, третий. Что-то невнятным пятном мелькает на периферии зрения. От неожиданности Гена кашляет, несколько капель попадают ему на подбородок и майку.

Долгие секунды он просто стоит, боясь повернуть голову, боясь поверить. Затем он медленно оборачивается туда, откуда только что пришёл.

В маленьком полуосвещенном коридоре Генкиной квартиры, занимая почти всю ширину прохода, неподвижно висит нечто. Оно похоже на сотканное из тягучего сигаретного дыма облако. Гена молча смотрит на «облако». Мысли в голове двигаются вяло, заторможено. Скорее всего «облако» ему тоже снится, но Фролов знает, что сон уже закончился, и происходящее в его квартире обязано быть реальностью. Ещё он понимает, что, когда шёл в кухню, «облако» уже было здесь. Гена спросонья просто прошёл сквозь него! Фролов вдруг осознаёт, что ощущение чужого присутствия у него так

никуда и не исчезло.

Гена всматривается в «облако». Оно почти прозрачный шар с рваными лоскутами краёв. Застывший пар, внутри которого вьются хитросплетения странных узоров. Гене они кажутся похожими на щупальца. Узоры медленно перемещаются и, кажется, даже создают при этом какой-то лёгкий шум. Шёпот. Узоры могут разговаривать. Они что-то шепчут ему...

Так, стоп! Нужно успокоиться!

Фролов только сейчас осознает, что его побелевшие от усилия пальцы продолжают сжимать ручку чайника. Он неловко ставит чайник обратно на плиту. Металлический лязг о решётку плиты оглушает. Гена вздрагивает и испуганно смотрит на «облако», но оно неподвижно. Фролов пытается сглотнуть слюну, но в горле болезненно сухо.

Что ж, если он не спит, то вариантов остаётся немного. Самый очевидный из них для работника психдиспансера – это сумасшествие. Или банальный передоз. Интересно, что сказал бы по этому поводу Федяй – признанный в их компании специалист по всяким «развлекательным» коктейлям? Живо вспомнился давешний сон. Почему именно сегодня его подсознание вспомнились старые приятели, ведь мушкетёры не виделись уже очень давно?

Федяй два месяца как в могиле. Зная его склонность к употреблению разных химических препаратов, мало кто удивился произошедшему. Ждали не столько результатов са-

мого вскрытия, сколько токсикологии. А она пришла чистая. Никаких посторонних веществ в крови. Ничего. Тогда все решили, что больничное начальство, чтобы избежать детального разбирательства, подстраховалось с результатами анализов. Поверить, что в Федяевой крови отсутствовала хотя бы дежурная доза рецептурной химии, было непросто. Правда, он вроде бы, в последнее время и правда перестал употреблять. Ходил угрюмый и молчаливый, наверное, именно из-за этого. После смерти Федяя их компашка как-то сама собой распалась, хотя до этого пережила даже Генкин уход со «скорой».

Через месяц ушёл и второй мушкетёр. Димыч шагнул с балкона шестого этажа прямо на асфальт. Вроде бы из-за несчастной любви. Ни Генка, ни Миха не знали точно – вся троица совсем мало общалась после смерти Федяя. Версию высказал Костик – какой-то там дальний родственник Димыча и, кстати, работник того же психдиспансера. Может быть и так. Записки Димыч не оставил, а предполагать насильственную смерть причин не было.

Остались они вдвоём с Михой, но старый приятель замкнулся в себе, стал угрюмым и неразговорчивым. Позже Миха звонил Фролову и предлагал встретиться, но сразу как-то не получилось, а потом, когда они случайно столкнулись на улице, разговор явно не заладился. Больше Гена своего бывшего напарника не видел, но знал, что его друган Костик, каким-то образом знакомый чуть ли не с каждой собакой в

городе, вроде бы поддерживает с Михой связь. И почему-то именно сейчас Гена чувствовал необходимость поговорить с Михой, что называется «по душам». Даже несмотря на долгую паузу в общении. Даже несмотря на тот случай, после которого он уволился со «скорой», а ребята остались. Случай, о котором они все старались не вспоминать.

Был обычный ноябрьский день – не тёплый «подарок» родом из бабьего лета, но и не зимний предвестник, окончательно взявший погоду за горло. Димыч поглядел на листок с адресом через стёкла своих «профессорских» очков, немного нахмурился и передал его сидевшему за «баранкой» Михе.

– Знаешь где это?

Миха покрутил листок, почесал затылок и радостно возвестил: «Залесская, 193... А, ну так это же девятиэтажки в самом конце улицы!», – и завёл мотор. Серая «буханка» с красным крестом, бодро покряхтывая сочленениями, выкатила из больничного двора. Сидевший в задумчивости Димыч всё же уточнил у Михи, уверен ли тот, что понял, куда им нужно ехать. Миха, картинно обидевшись, заявил, что уже достаточно хорошо знает этот городишко, и хоть сам он живёт в другом районе, прекрасно понял, что им именно туда. Ну а если они ему – водителю скорой с уже трёхлетним стажем – не верят, то могут пойти... пешком или достать из бардачка карту и убедиться. Водителю со стажем верили, но карту достать им всё же пришлось. Впрочем, не сразу.

– Так это «цыганские» новостройки что ли? – очнулся вдруг Федяй.

– Почему цыганские? – не понял Миха.

– Там раньше какие-то цыганские захоронения были или вроде того. Когда стройка началась, вдруг откуда-то целый цыганский табор нарисовался. Протесты организовывали, но только спохватились они поздно. Стройку, говорят, сам городской глава крышевал, ну в смысле бывший – Пиманов – коней который недавно двинул. Строительная компания скорее всего туда технику нагнала, котлованы под фундамент начала рыть, и только тогда эти цыганские протесты начались. Да где уж там!

Генка слушал приятеля внимательно. Он жил от этого места ещё дальше Михи, а Федяй, наверное, наоборот ближе всех, и поэтому мог знать подробности. Он тоже что-то такое припоминал про цыганские протесты.

– А мне кажется, там речь была о скотомогильнике? – Димыч по праву фельдшера имел у них в команде возможность подвергать сомнению любые версии санитаров, особенно Федяя.

– Ой, да это цыгане же и придумали! – отмахнулся Федяй. – Я и про захоронение, и про скотомогильник, и про священное место тогда историй наслушался. Они как могли народ пугали, а бабки потом возле подъездов на лавочках от нечего делать всё это обсасывали по кругу. Одна старая цыганка даже по телевидению местному выступала. Ну как вы-

ступала – их барон выступал и её притащил. Мол, ей больше ста лет, и она живёт на краю этого кладбища и будто бы его охраняет. Так она уже такая старая была, что и говорить почти не могла, ну а толстый барон всё байку затирал про какого-то древнего злого духа, который душами людей питается и в том месте его несколько веков назад пленила цыганская колдунья. Место, значит, теперь там священное – злого духа как бы на привязи держит...

И тогда Генка тоже вспомнил, что сам видел это в новостях. Он как раз пришёл домой и включил телевизор на середине сюжета. Ему запомнилась словно для контраста стоявшая рядом с толстым бородатым детиной – наверное, самим бароном – маленькая седая старушка в цветастом платке с большими светлыми глазами. Обычно, когда показывают таких бабулек, они любят без умолку рассказывать о своём житье-бытье, держа в руках икону или пышный каравай на традиционном вышитом рушнике. Эта старушка в руках держала не рушник, а какую-то тряпицу, больше похожую на старый кусок кожи. Эту фиговину оператор взял крупным планом. Там был корявый рисунок – изображение напомнило Генке клубок извивающихся змей, только вместо змеиных голов безымянный художник изобразил человеческие черепа. Почти человеческие, потому что глазниц на черепах Генка не заметил, а почти всю поверхность лицевого черепа занимали зияющие пустыми чёрными провалами распахнутые рты. Дитина рядом всё говорил и говорил, а старушка молча

показывала свою тряпку в камеру.

– Байка про бабайку? – хохотнул Миха. – А если стройку начнут, то разрушат сдерживающие чары, и вылезет тот демон, так что ли?

– Да, что-то такое, я уж и не помню толком. – признал рассказчик.

– Но дома ведь всё равно строят. Успокоились цыгане значит? – уточнил Димыч.

– Да кто их спрашивать бы стал? – отозвался Миха. – Они скорее всего просто денег хотели или квартирки себе в новом доме выбить на халяву!

– Я тоже не в курсах, как это всё раздурилось. Цыгане, когда стало известно о предстоящей стройке, налетели целым табором. Я и не знал, что у нас их в городе столько есть. А как стройка началась, куда-то исчезли. Девятиэтажки всё равно возводят. Слушок ходил, что там вроде и правда вырыли кости какие-то, но замяли дело, а саму стройку забором сплошным обнесли, чтобы не лазил никто. И вообще место нехорошее оказалось – несколько строителей там погибли.

– Может быть, народ там селиться не станет? – предположил Димыч.

– Ещё как станут! Там ведь и лес ещё рядом – природа, красиво...

«Буханка» тем временем приехала на улицу Залесскую и шустро пробралась к видневшимся впереди раскрашенным «а-ля что-то весёленькое» высоткам. И вот тут начались за-

труднения. Трио новеньких девятиэтажек на нечётной стороне улицы имело номера «187», «189» и «191». Накатанная грузовиками грунтовая дорога в сотне метров после сто девяносто первого дома подводила грязную жирную черту под территорией города, после которой как-то сразу начинался лес. Затёртая карта всё же была извлечена из бардачка, но и она не пролила свет на ситуацию – два года назад, когда её печатали, нумерация домов на Залесской улице вообще заканчивалась на номере сто восемьдесят пять. В ответ на Михины расспросы немногочисленные прохожие недоумённо пожимали плечами и с любопытством провожали взглядом карету скорой помощи.

И всё же им повезло. Восьмая или девятая остановленная ими женщина в запачканных грязью джинсах оказалась сотрудницей РЭСа. Она и объяснила, что нужный дом будет за последней высоткой, если ехать дальше по грунтовке.

– Спасибо! А кто там живёт-то хоть? – на прощанье поинтересовался у женщины Мишка. Та пожалала плечами.

– Бабуля чокнутая. – сказала она, развернулась и отправилась дальше по своим делам.

«Буханка» нехотя вскарабкалась на прокатанную самосвалами и ими же разбитую дорогу и закрипела по ней, огибая колеи. Миха держал руль обеими руками и ругался сквозь зубы. Димыч сосредоточенно смотрел вперёд, Федяй почему-то икал и никак не мог прекратить эту напасть, а Генку накрыло какое-то непонятное тоскливое ощущение.

– И зде-ся кто-то жив-вёт? – сквозь икоту выговорил Федяй.

Они чуть было не проехали. Потому что смотрели в другую сторону – туда, где был город. Дорога, слегка виляя, уходила в направлении городской свалки, а ещё она как будто отрезала одинокий покосившийся домик на опушке от остального города, оставляя его наедине с надвинувшимся на него лесом.

Неказистый домик с маленькими оконцами – Генке очень хотелось назвать его избушкой – будто одинокий воин бросал вызов тёмной и мрачной стене высоких деревьев. Это ощущение ещё больше усилилось, когда стало понятно, что единственный вход в дом обращён не в сторону города.

Их никто не встречал. Никакой ограды не было. Автомобиль подъехал почти к самому дому, и только когда с поворотом ключа в замке зажигания прекратил тарыхтеть двигатель, Генка понял, как здесь тихо. Нет, он знал конечно, что в лесу гораздо тише, чем в населённом людьми месте, но они ведь не входили в лес, да и тишина эта была совсем не такая. В обычном лесу всё равно есть какие-то шорохи, поскрипывают ветки, чирикают птички... Генке показалось, что возвышающаяся перед ними плотная стена деревьев каким-то непостижимым образом просто высосала все звуки из пространства, где стояла избушка.

Откуда-то сбоку, захлёбываясь лаем, к ним бросилась собака. Обычная средних размеров грязно-белая дворняга.

Она яростно брехала, но держалась на расстоянии. Пси́на несколько раз кидалась на них, как будто пыталась не подпустить к дому, и лаяла, лаяла, лаяла. Ошейника на ней не было, но дворняга явно считала это место своим и чужаков не жаловала. Приятели настолько обалдели от этой атаки, что стояли как вкопанные. Никто даже не замахнулся или не попытался залезть обратно в машину. Неизвестно, что пришлось бы делать дальше, но пси́на вдруг оскалилась, припала к земле, а затем, жалобно заскулив, рванула к грунтовке. Федя́й и Димыч растеряно провожали её взглядом, а Миха́ и Генка рефлекторно обернулись к дому. И Фролову показалось, только показалось, что на секунду ветхий домишко заслонило от них какое-то бесформенное пятно.

Заходить в этот дом никому из них не хотелось. Дверь была не заперта.

Позднее, когда они ехали обратно в город, медбрат Геннадий Фролов поймал себя на мысли, что его товарищи выглядят невероятно бледными, словно бы картонными копиями самих себя. Сам он, наверное, выглядел не лучше. Память сохранила только сухую выжимку фактов, притупив эмоциональное восприятие. Они долго искали её. Генка с товарищами ходили по пропахшим затхлостью маленьким комнатам, где на стенах были развешаны странные амулеты и обереги, а окна занавешены каким-то тряпьём. Воздух в доме был тяжёлым, буквально ощущался кожей, давил со всех сторон.

Они нашли старушку в крохотном тёмном чулане. Скрю-

ченное сухое тело, разинутый как будто в крике рот, перекошенное лицо и большие светлые глаза... По ним Фролов её и вспомнил. Димыч предположил инсульт, что было не так уж и значимо – вскрытие в таком возрасте делают только, если подозревают криминал. Да и почему-то казалось, что всё это уже неважно и не нужно.

Пока ехали назад, Генку не покидало ощущение, будто он упустил что-то очень важное. Увидел, но не понял или забыл. Все они что-то увидели и позабыли в том доме. И ещё он никак не мог понять, что старушка делала в чулане? Что-нибудь искала? Или пыталась спрятаться? Через неделю он уволился со «скорой». Не мог больше. Понял, что теперь боится ездить на вызовы.

Итак, нужно поговорить с Михой и рассказать ему о... О чём? Что он, Генка Фролов, сам схватил передоз? Или проще – поехал кукухой. Такая вот профвредность. Да Михе этот вариант и сам скорее всего придёт в голову. К чёрту! Нужно встретиться со старым приятелем, а там уже видно будет. По крайней мере можно будет привести Миху в квартиру и по его реакции уже делать кое-какие выводы.

Позвонить можно прямо сейчас. Вот только его мобильник лежит на тумбочке в комнате, а путь туда преграждает «облако».

Мысль снова пройти сквозь «это» кажется абсолютно неприемлемой. Можно, конечно, попробовать вылезти в окно... Гена вспоминает о Димыче. Бывший фельдшер выпал

или выбросился из окна. Несчастливая любовь говорите?..

Придётся идти через коридор.

Гена осторожно почти на цыпочках делает два неуверенных шага в сторону своей комнаты и ещё раз оценивает ситуацию. «Облако» прямо перед ним. В узком коридоре оно занимает почти весь проход, оставляя больше места сверху и снизу. По бокам немного свободного пространства тоже есть, но вряд ли там сможет протиснуться взрослый человек, хотя... Фролов аккуратно вытягивает вперёд левую руку и, наклонившись, пытается просунуть её в эту щель. Сначала ничего не происходит, а затем кожа мгновенно покрывается крупными «мурашками». Гена резко одергивает руку.

Придётся пролезть снизу – другого пути нет. Фролов опускается перед «облаком» на колени и застывает, будто собираясь ему помолиться. Марево «облака» по-прежнему неподвижно. Генка неловко заваливается на бок, а потом на спину. Линолеум холодный.

Расстояние от «облака» до пола объективно больше, чем до боковой стены коридора, но снизу так уже не кажется. Ползти лёжа на спине неудобно. Он как червяк продвигает вперёд сначала голову, потом плечи, а затем приподнимает и подтягивает за собой остальное туловище. Ноги приходится подтаскивать за собой волнообразными движениями из стороны в сторону.

Гена сделал так три раза. И оказался перед самым «облаком». Пространства чтобы пробраться вроде достаточно, но

при подтягивании туловища у Гены каждый раз приподнималась грудная клетка, и если так случится снова, то придётся коснуться этого... А такая перспектива сейчас почему-то кажется Фролову хуже смерти.

Следующее движение, и Гена уже под «облаком». Он чувствует, что вспотел. Две струйки пота скатились со лба по вискам, вызвали лёгкую щекотку и желание их вытереть. Гена еле успевает остановить свою руку. Он делает глубокий вдох, чтобы успокоится перед решающим рывком. Выдохнуть не получается. Воздух в лёгких застыл студнем. Одно движение вперёд. Как же тихо в квартире. Нет, слышно, как сонно урчит холодильник и мерно шагает секундная стрелка на старомодных часах, но звуки доносятся как через толстый слой ваты. Тихо именно здесь.

Движение вперёд. Теперь «облако» над ним занимает весь обзор. Можно чуть-чуть приподнять голову и в щёлку между собственным животом и этой пакостью увидеть кусочек своей кухни. Увидеть и немножко успокоится. Поверить, что он всё ещё дома. Но – «облако» СЛИШКОМ низко. Оно прямо над ним. Всего в нескольких сантиметрах. Да это и не облако вовсе. Нету здесь развесёлых кудрявых барашков. Господи, да почему же так тихо?! Нужно проползти ещё. Всего одно движение, и впереди покажется угол коридора. Движение вперёд. Не показался.

Снова шорох или шёпот? Здесь, наверное, самая низкая часть «облака». Гена видит, как лёгкий пар от его дыхания

касается этой чужеродной поверхности и бесследно растворяется в ней. А ещё он видит, теперь видит, что «облако» напоминает скорее огромную медузу с беспорядочным комком внутренностей внутри. И то, что раньше казалось ему узорами, очень похоже на переплетения извивающихся скользких тел, но вместо змеиных голов у них человеческие черепа. Раскрытые рты. Мириады ртов. И они кричат! Кричат!! Кричат!!! Он испуганно дёрнулся. Возможно, слишком сильно, или ему так только показалось?

Гена почему-то не помнит, как выкарабкался в коридор. Пьяной походкой, оставив «облако» позади, он бредёт в спальню. Не включая свет, как-то сразу находит мобильник и жмёт на номер Михи. Абонент не в сети. И снова. И снова. Сегодня Костя ведь должен дежурить! Гудков немного.

– Миха? – голос Костика звучит чётко, как будто тот сидел в соседней комнате. – А ты разве не знаешь?! Вчера... Несчастный случай вроде бы. Там вообще непонятно, прямо мистика какая-то...

В приоткрытую дверь комнаты медленно просачивается нечто призрачно бледное.

– А тебе зачем Миха понадобился среди ночи? Алло...

Голос Костика в динамике заменяет полная тишина. Гена Фролов в своей комнате уже не один. Невидимые руки жадно тянутся к нему. Отсутствующие глаза сверлят его немигающими взглядами. Раззявленные рты безмолвно зияют в голодной усмешке. Они зовут его. Они пришли за ним.